

Рецензии

Н.Р. Ойноткинова

Рецензия на книгу: Л.Н. Тыбыкова, И.А. Невская, М. Эрдал Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2012. 152 с.

УДК: 801.82(571.151)(=512.1)(048)

В мировой тюркологической науке до недавнего времени памятники с руническими надписями на территории Горного Алтая, фиксировавшиеся исследователями в разное время, не были изучены и сведены в единое целое. Совместными усилиями известных ученых-тюркологов: доцента Горно-Алтайского госуниверситета, канд. филол. наук Л.Н. Тыбыковой, приват-доцента Свободного университета г. Берлина, главного научного сотрудника Института филологии СО РАН д-ра филол. наук И.А. Невской и профессора Франкфуртского университета, д-ра филол. наук (PhD) Марселя Эрдала составлен «Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая» [2012].

Памятники тюркского рунического письма VIII–XI вв. представляют собой значительную по объему и ценную в лингвистическом и историческом отношении часть обширного письменного наследия тюрков. Несколько сотен рунических надписей были открыты в Монголии, Южной Сибири, Китае, Казахстане и в Киргизии. Наиболее полно изучены всемирно известные орхонские (Монголия) и енисейские (Тува и Хакасия) рунические памятники. Из-за своих кратких форм надписи Горного Алтая долгое время не привлекали достаточного внимания ученых.

В данном каталоге задокументировано 90 рунических памятников, найденных на сегодняшний день в Горном Алтае. Авторы монографии в первом разделе осветили историю изучения памятников рунического письма Горного Алтая, дали общую характеристику алтайского корпуса рунических памятников, раскрыли особенности алтайского рунического письма, а также показали методы работы и примененные подходы к изучению и расшифровке надписей. В сводной таблице с нумерацией представлены паспортные данные всех надписей, их место и дата обнаружения.

Л.Н. Тыбыкова, И.А. Невская и М. Эрдал, систематизировав все имеющиеся рунические памятники Горного Алтая, установили, что в прошлом существовало особое алтайское руническое письмо, которое отличается от енисейского и орхонского. Данное утверждение отличается от точек зрения таких исследователей, как, например, В.В. Радлов и И.Л. Кызласов.

В 1895 г. палеографический анализ азиатских памятников рунического письма привел академика В.В. Радлова к выводу о существовании двух самостоятельных алфавитов: енисейского и орхонского [Кызласов, 1994: 79]. Ученый считал, что за каждым из этих алфавитов стояла определенная этническая группа, обладающая государственной властью. Известный ученый-историк И.Л. Кызласов, опираясь на данные 28 надписей, замечает, что в надписи Мендюр-Соккон I наблюдается использование орхонского и енисейского алфавита, что позволяет отнести надпись к эпохе сильного воздействия на орхонскую письменность енисейского алфавита, т.е. ко второй половине VIII – началу IX в. [Там же: 88]. К этому же типу памятников отнесены надписи Бичикту-Боом I и II, в которых при заметном влиянии енисейского письма отмечается использование орхонских форм рун. Все остальные надписи по палеографическим признакам можно отнести ко времени наиболее сильного влияния енисейского алфавита, т.е. древнехакасскому периоду (середина IX—X в.) [Там же: 88]. С его точки зрения, енисейское письмо, постепенно распространяясь в Южной Сибири, включало в свой ареал и земли, население которых к тому времени уже владело той или иной системой другой рунической письменности, и, вытесняя эти субстратные алфавиты в сферу неофициального применения, сосуществовало с ними по крайней мере во второй половине VIII – XI в. Именно сосуществование различных систем рунической письменности привело к видоизменению ряда орхонских знаков под влиянием енисейского алфавита, к сложению палеографически смешанных текстов [Там же: 96].

Согласно утверждению авторов «Каталога...», алтайское руническое письмо, как и орхонское, состоит из 38 знаков и знака словоразделителя, из них 5 образцов до сих пор не поддаются расшифровке. Знаки наносились справа налево при горизонтальном расположении или снизу вверх при вертикальном; в последнем случае при повороте надписи на 90 градусов получалась горизонтальная строка, которую можно было читать справа налево. Характерной особенностью алтайских надписей является их краткость. Размер рун большинства из них – 2-3 см, и наносили тексты не для того, чтобы их все читали, скорее, они носили интимный характер. Краткие надписи на скалах также свидетельствуют о таком немаловажном факте, как широкая грамотность населения Алтая тех времен, по-

сколькx эти надписи писали простые люди, не обремененные высокими титулами, не резчики по камню и составители эпитафий. Они часто допускают отход от правил письма; некоторые из памятников сохранились в плохом, стертом виде.

Исследователями установлено, что алтайские надписи имеют три разновидности: 1) *наскальные*, распространенные в Онгудайском районе – в долине реки Каракoл, в окрестностях сел Бичикту-Боом, Боочи, Кулада, в местности Калбак-Таш, в Кош-Агачском районе – в окрестности села Тёбелер, в Усть-Канском районе в окрестностях села Мендур-Соккон; 2) *надписи на стелах*, сосредоточенные в долине реки Бар-Бургазы в Кош-Агачском районе; 3) *надписи на предметах*, которые были найдены в раннесредневековых погребениях VII–VIII вв. [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 17]. Все эти разновидности проиллюстрированы цветными фотографиями, что подтверждает высокую степень достоверности исследования.

По подробному описанию каждого памятника, данному во втором разделе монографии, четко видно, что наибольшее количество надписей было зафиксировано во всех южных районах Республики Алтай, на территориях проживания алтай-кижи: в Онгудайском (63 надписи), Усть-Канском (14 надписей), Кош-Агачском (13 надписей), Чемальском и Усть-Коксинском районах (по одной надписи) [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 51–146]. Эти сведения указывают на то, что все эти артефакты связаны с историей древних тюрков – коренных жителей Горного Алтая.

Особенно ценным в данной работе является подача всех расшифровок, сделанных исследователями прошлых лет: К. Сейдакматовым, И.Д. Кызласовым, Э.Р. Тенишевым, В.М. Наделяевым и др. В одних случаях прочтения предшественников совпадают с прочтением Л.Н. Тыбыковой, И.А. Невской, М. Эрдала, в других они различаются. Сравнительный анализ предыдущих прочтений с собственными позволил авторам монографии уточнить некоторые фрагменты, в некоторых случаях даже дать оригинальные трактовки.

На некоторых памятниках рунические надписи сопровождаются петроглифами, изображающими картину охоты человека на диких зверей. Наскальные надписи, как отмечают авторы, имеют общемировоззренческий характер: они отражают философское осмысление действительности древними тюрками. Так, интереснейшим представляется надписи Калбак-Таша, состоящие из 31 строки. Как считают ученые, именно там располагался алтарь для проведения обрядов. Здесь молились люди и оставили, например, такие надписи: *aržim* ‘О, мой святой!’ (Надпись Калбак-Таш VIII). По мнению авторов данной книги и археолога И.Л. Кызласова, эти надписи отражают следы манихейской религии, проникшей на Алтай в IX–X вв. [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 18]. В другой надписи на Калбак-Таш XII прочитывается фраза:

(ä)r b(ä)ŋ(ü)si y(a)g(i)da

‘Бессмертие мужчины – в (борьбе против) врага (букв.: во враге)’ [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 19]. В круглых скобках заключены не прописанные на надписи гласные, но восстановленные исследователями.

Традиция писать эпитафии на стелах на Горный Алтай пришла с енисейскими кыргызами во времена их владычества в IX в. Эпитафии на скалах и на стелах в основном встречаются в Кош-Агачском районе. Несколько эпитафий найдено в окрестностях села Кокоря на правом и левом берегах реки Бар-Бургазы. В отличие от енисейских и орхонских эпитафий, в них нет упоминания о титулах, чинах погребенного, нет перечислений его заслуг перед ханом и народом, сколько врагов убил воин, в каких сражениях он участвовал, нет обращения к оставшимся в живых родным и близким, народу, хану, солнцу и луне и т.д. Например, стела Кызыл-Калбак I шириной 65 см и длиной около 130 см, обнаруженная археологом из Института археологии и этнографии СО РАН В.Д. Кубаревым в 2001 г., по расшифровке Л.Н. Тыбыковой, И.А. Невской, М. Эрдал, содержит эпитафийную надпись:

Транскрипция:

- 1) *(ä)r (a)ti : kut b(e)rm(i)š – a : (ä)s(i)z(i)m – ab(a)g (e)l/i....*
- 2) *..... y(i)gl(a)y(i)n : (a)dr(i)lt(i)m(i)z – a*
- 3) *..... (ö)lüm – a : (a)nč(a) ..... (a)dr(i)l [tim ...]*

Перевод:

- 1) *Его геройское имя – Кут Бермиш. О горе! Его род и народ...*
- 2) *..... пусть я буду рыдать (я буду горевать/рыдать)! Мы растались...*
- 3) *.... смерть... так... (мы) растались... [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 124].*

Надо отметить, что это наиболее полное прочтение данного памятника, поскольку расшифровка предшественников, Г.В. Кубарева и С.Г. Кляшторного, была краткой. Ниже приводится их интерпретация.

Транскрипция:

- 1) *er aty kutbermiš esiz*
- 2) *... adyryltymyz...*
- 3) *не читается*

Перевод:

- 1) *Его мужское имя Кутбермиш, о горе!*
- 4) *... мы расстались (букв.: отделились)* (цит. по: [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 124]).

Как и в других надписях, в данной эпитафии наблюдаются грамматические особенности языка, характерные для современных языков огузской группы, в частности форма инфинитива =*m(i)š*.

Характерной чертой алтайских эпитафий является то, что они не обязательно наносились на стелы. Самая крупная такая надпись с размерами 161x100 см, найденная в 2001 г. В.Д. Кубаревым и Г.В. Кубаревым, находится на большом экране на северной оконечности горной гряды горы Кургак, недалеко от села Тебелер Кош-Агачского района. Справа от надписи, под строкой изображена сцена охоты всадника с собакой, загоняющего бегущих оленя и медведя. Этими археологами там же было найдено позднесредневековое погребение человека с лошастью, насыпь которого была в полуразрушенном состоянии и со смещенными плитами; возможно, с ним и связана эта надпись, поскольку в ней раскрывается скорбь отца по безвременно умершему сыну (Кургак I). Сравним расшифровку надписи на этой стеле, данную С.Г. Кляшторным и Г.В. Кубаревым, с расшифровкой Л.Н. Тыбыковой, И.А. Невской, М. Эрдал.

Интерпретация С.Г. Кляшторного и Г.В. Кубарева:

Транскрипция:

Temir apa oylum esiz ökünçig aty soguly alp ketrek ökünçig jilitim kyzym kedimiz ba ada berilt(t)I be bu suz qaldy ökünçig ikirti(m).

Перевод: О мой сын Темир-апа! О печаль, о горе! Пусть будет заколот (принесен в жертву) его конь! О самый могучий (из) героев! О горе! Мой младший сын (букв.: йигит 'юноша') и моя дочь! Пусть с рыданиями будут разодраны наши одежды! Вечная память о тебе (букв.: твоя вечность) осталась берграничной! О горе! (Я же) подавлен (печаль) (цит. по: [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 121]).

Интерпретация Л.Н. Тыбыковой, И.А. Невской, М. Эрдал:

Транскрипция:

(1–21) *t(ä)m(i)r (a)pa ogl(u)m – a (ä)s(i)z ök(ü)nč(ü)g – a / ök(ü)nčgä (a)tīm*
(22–46) *kul(u)ŋa/kul (a)ŋa //atī+m kol(u)ŋa (a)l(i)p //körki ök(ü)nč(ü)g – a / ök(ü)nčgä y(e)g(ä)td(i) – a/y(i)g(i)t .....*
(47–67) *y(e)d(i)m(i)z – a (ä)v(i)ŋdä b(e)š (ä)rt(i)ŋ – a b(e)š/b(a)š öŋ – a(ä)v*
(68–85) *ons(u)z k(a)ldī – a ök(ü)nč(ü)g – a /ök(ü)nčgä*

Перевод:

(1–21) 'Темир-Апа, сын мой! Как жаль! О горе! Имя мое –
(22–46) моему рабу / Моего коня, раба – ему / моего коня – в твои руки ... / Воплощение богатыря!
О, горе! Я улучшал...
(47–67) Мы ели. В твоём доме пятерых ты оставил. Дом с пятью лицами
(68–85) без тебя остались. О горе! Как жаль!' [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 122].

Как видим, расхождения в прочтении существенны. Кроется ли причина этого в издавна существующей проблеме произвольности предлагавшихся для буквенных знаков фонетических соответствий для рунических алфавитов? Видимо, ответ на этот вопрос можно дать лишь после глубокого изучения фонетического и морфологического строя тюркского рунического письма.

Известны три серебряных пиршественных сосуда с руническими надписями, обнаруженные в разное время, а также предметы быта – поясные украшения, костяная пластина, наконечник ремня. Эти артефакты свидетельствуют о широком распространении руники на Алтае в древности [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 20].

«Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая» открывает широкие перспективы сравнительного исследования рунической письменности и истории тюркских народов; возможно, он подвигнет исследователей на открытие новых фактов и обеспечит продолжение диалога.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Вост. лит., 1994.

Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2012.